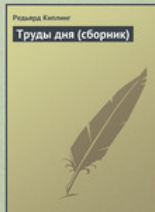

Редьярд Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611394

Аннотация

«Ему не было еще тридцати лет, когда он убедился, что нет человека, который понимал бы его. Несмотря на богатство, накопленное тремя трудовыми поколениями, несмотря на его просвещенный и правоверный вкус во всем, что касалось книг, переплетов, ковров, мечей, бронзы, лакированных вещей, картин, гравюр, статуй, лошадей, оранжерей, общественное мнение его страны интересовалось вопросом, почему он не ходит ежедневно в контору, как его отец...»

Редьярд Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

* * *

Ему не было еще тридцати лет, когда он убедился, что нет человека, который понимал бы его. Несмотря на богатство, накопленное тремя трудовыми поколениями, несмотря на его просвещенный и правоверный вкус во всем, что касалось книг, переплетов, ковров, мечей, бронзы, лакированных вещей, картин, гравюр, статуй, лошадей, оранжерей, общественное мнение его страны интересовалось вопросом, почему он не ходит ежедневно в контору, как его отец.

Поэтому он бежал, и соотечественники кричали вслед ему, что он англофил-маньяк, родившийся для того, чтобы истреблять плоды работы других, и совершенно лишенный патриотического духа. Он носит монокль, он выстроил вокруг своего загородного дома стену с высокими, закрывающимися воротами вместо того, чтобы пригласить всю Америку сидеть на его цветочных клумбах, он заказывал себе платье в Англии, и пресса его города проклинала в нем все – начиная с монокля до брюк – два дня подряд.

Когда он снова выплыл на свет Божий, то оказался там, где разве только появление на Пиккадилли палаток вражеской армии могло бы произвести впечатление. Если у него есть деньги и свободное время – Англия готова дать все, что могут купить деньги и свободное время. Получив плату, она не станет задавать вопросов.

Он вынул свою чековую книжку и стал собирать разные вещи – сначала осторожно, потому что помнил, что в Америке вещи владеют человеком. К великому своему восхищению, он открыл, что в Англии, наоборот, он может попирать ногами принадлежащие ему вещи.

Целые классы людей и слои общества различных наименований выросли как будто из-под земли и молча и искусно взяли на себя заботу о его приобретениях. Они были рождены и воспитаны с единственной целью – быть слугами чековой книжки. Когда она кончалась, они исчезали с той же таинственностью, с какой появлялись.

Непроницаемость такой размеренной жизни раздражала его, и он пытался узнать что-либо о человеческой стороне этих людей. Он должен был отказаться от своего намерения и поступить в обучение к своим подчиненным. В Америке туземец развращает английских слуг. В Англии слуга воспитывает своего господина. Вильтон Сердгент старался научиться всему, чему его обучали, с таким же усердием, с каким его отец старался разрушить железнодорожные линии своей родной страны до захвата их, и, должно быть, капля

старой бандитской крови заставила его купить за ничтожную цену Хольт-Хангарст, лужайка которого размером в сорок акров полого спускалась к четырем подъездным путям Большой Бухонианской железной дороги. Поезда летали почти непрерывно с шумом, утром напоминавшим жужжание пчел, а вечером – трепетание могучих крыльев. Сын Мертона Серджента имел основание интересоваться этой железнодорожной линией. Ему принадлежало несколько тысяч миль подъездных путей, но не главной линии, где локомотивы постоянно свистели на переездах, а салон-вагоны баснословной цены и необычайной раскраски скользили по изгибам, в безопасности которых усомнились бы инженеры главной линии Бухонианской железной дороги.

С края своей лужайки он мог видеть, как рельсы, натянутые, словно тетива лука, спускались в долину Преста, усеянную уходящими далеко вдаль сигнальными будками, и делали в высшей степени рискованные подъемы на насыпь в сорок футов вышины.

Предоставленный самому себе, Вильтон выстроил бы отдельный вагон и держал бы его на ближайшей железнодорожной станции Эмберли Ройяль, в пяти милях от своего местопребывания. Но те, в чьи руки он отдался, чтобы получить воспитание на английский манер, имели мало понятия о железных дорогах и еще менее об отдельных вагонах. Та, которую они знали, входила в круг вещей, существовавших для их удобства. Остальные были для них «американскими»,

а с настойчивостью, свойственной его силе, Вильтон желал быть даже больше англичанином, чем сами англичане.

Он преуспел в этом как нельзя лучше. Он научился не украшать Хольт Хангарс, хотя отоплял его, научился оставлять гостей одних, удерживаться от излишних представлений их друг другу, он отказался от своих привычек, манер и придерживался тех, которые можно приобрести известными усилиями. Он научился предоставлять людям наниматься с какой-нибудь целью и исполнять обязанности, за которые им платили. Он узнал от землекопа, работавшего в его имении, что всякий человек, с которым он приходит в соприкосновение, имеет определенное положение в государственной организации, и Вильтону не мешает ознакомиться с этим положением. В довершение всего он научился хорошо играть в гольф, а когда американец усваивает все тонкости этой игры, он утрачивает свою национальную самобытность.

Остальная часть его воспитания происходила весьма приятным образом. Если что-либо возбуждало его интерес на небесах, или на земле, или в водах под землей, то немедленно появлялось за его столом, направляемое надежными руками, в которые он попал. Появлялись именно те люди, которые лучше всего говорили, делали что-либо, писали, исследовали, производили раскопки, строили, спускали на воду, создавали или изучали именно то, что интересовало его, — хранители книг и гравюр Британского музея, специалисты по части жуков, архитектурных украшений и египетских ди-

настий, путешественники в глубины неизвестных стран, токсикологи, любители и знатоки орхидей, писатели монографий о домашней утвари каменного века, о коврах, о историческом человеке или о музыке раннего Ренессанса. Они приходили и играли с ним. Они не предлагали никаких вопросов, нисколько не заботились о том, кто он и что он такое. Они требовали от него только, чтобы он умел говорить и вежливо слушать. Их работа происходила где-то вдали от его взоров.

Были и женщины.

«Никогда, – говорил себе Вильтон Серджент, – ни один американец не видел Англии так, как вижу ее я». – И, краснея под одеялом, он вспоминал о белых днях, когда он отправлялся в контору по Гудзоне на своей паровой океанской яхте в тысячу двести тонн и добирался в трамвае до улицы Бликер, держась за кожаный ремень между ирландской прачкой и немецким анархистом. Если бы кто-нибудь из его теперешних гостей увидел его, он сказал бы: «Совершенно по-американски», а Вильтону не нравился этот тон. Он приучил себя к походке англичан и к английскому тону голоса – за исключением тех случаев, когда возвышал его. Он не жестикулировал, он подавил в себе немало привычек, но были некоторые вещи – между прочим, пристрастие к некоторым кушаньям, – от которых не мог отучить его даже Говард, его безупречный дворецкий.

Его воспитанию суждено было закончиться самым стран-

ным и удивительным образом, и мне довелось присутствовать при этом конце.

Вильтон несколько раз приглашал меня, чтобы показать мне, как хорошо на него действует новая жизнь в Хольт-Хангарсе, и каждый раз я объявлял, что все идет отлично. Третье его приглашение было менее формально, чем предыдущие, и в нем он намекал на какое-то дело, где требуется мое одобрение или совет, а может быть, и то и другое. Когда человек начинает позволять себе вольности со своей национальностью, появляется бесконечный простор для ошибок, и потому я отправился, ожидая многого. Догкарт в семь футов и грум в черной ливрее Хольт-Хангарса встретили меня на станции Эмберли Ройяль. В Хольт-Хангарсе меня принял элегантный и очень сдержанный человек и провел в предназначенную мне роскошную комнату. В доме не было других гостей, и это заставило меня призадуматься.

За полчаса до обеда Вильтон зашел в мою комнату. Свое беспокойство он тщетно маскировал выражением самоуверенности и равнодушия. Через некоторое время – расшевелить его было почти так же трудно, как любого из моих соотечественников – я добился от него рассказа, простого в его экстравагантности и экстравагантного в его простоте. Оказалось, что Гакман, из Британского музея, провел у него около десяти дней, хвастаясь своими жуками. Гакман имеет привычку носить действительно бесценные антикварные вещи на колечке для ключа и в кармане брюк. По-видимому, ему

удалось перехватить что-то, предназначавшееся в Булакский музей, «подлинный Амен-Хотеп», по его словам, «жук царицы Четвертой Династии». Вильтон купил у Кассаветти, репутация которого не вполне безукоризненна, жука, приблизительно такого же ценного, и оставил в своей лондонской квартире. Гакман наугад, основываясь только на том, что знал о Кассаветти, сказал, что это обман с его стороны. Последовало продолжительное обсуждение вопроса ученым и миллионером.

Один говорил: «Но я знаю, что этого не может быть», а другой говорил: «А я знаю, что может, и докажу это».

Для успокоения души Вильтон счел необходимым отправиться в город до обеда, т. е. сделать сорок миль, и привезти жука. Тут-то и произошли события, имевшие несчастные последствия. Так как станция Эмберли Ройяль находилась на расстоянии пяти миль, а для того, чтобы запрячь лошадей, нужно известное время, то Вильтон приказал Говарду, безупречному дворецкому, дать следующему поезду сигнал, чтобы остановить его. Говард, человек более находчивый, чем думал его господин, взял красный флаг и яростно замаhal им навстречу первому поезду, спускавшемуся мимо лужайки. Поезд остановился.

С этого места рассказ Вильтона стал сбивчив. По-видимому, он намеревался войти в этот страшно разгневанный экспресс, а кондуктор удерживал его с большей или меньшей силой – в сущности, выбросил его из окна запертого купе.

Вильтон, должно быть, сильно ударился о песочную насыпь. Он сознался, что в результате произошла драка на полотне железной дороги, во время которой он потерял шляпу, наконец, его втащили в кондукторское отделение и усадили. Он задыхался.

Он предложил денег кондуктору и очень глупо объяснил все, не назвав только своей фамилии. Он не сделал этого, так как воображению его представлялись напечатанные большими буквами заголовки статей в нью-йоркских газетах, а он отлично знал, что сын Мертона Серджента не может ожидать милости по ту сторону океана. К изумлению Вильтона, кондуктор отказался от денег, сказав, что это дело касается Компании. Вильтон настаивал на сохранении инкогнито, и потому на конечной станции св. Ботольфа его ожидали два полисмена. Когда он выразил желание купить новую шляпу и телеграфировать своим друзьям, оба полисмена в один голос предупредили, что всякое его слово будет уликой против него, и это страшно подействовало на Вильтона.

– Они были так дьявольски вежливы, – сказал он. – Если бы они взгрели меня своими дубинками, мне было бы легче, но все время: «Потрудитесь пройти сюда, сэр», да: «Подымитесь по этой лестнице, сэр», пока не посадили меня в тюрьму, посадили, словно простого пьяницу, и мне пришлось просидеть целую ночь в какой-то дыре, в карцере.

– Это все произошло оттого, что вы не назвали своей фамилии и не телеграфировали своему адвокату, – ответил я. –

К чему вас приговорили?

– Сорок шиллингов или месяц тюрьмы, – быстро сказал Вильтон. – Это было на следующее утро, ясное и раннее. Они покончили с нами в три минуты. Девушка в розовой шляпке – ее привели в три часа утра – приговорена к десяти дням. Мне, кажется, посчастливилось. Должно быть, я отбил у сторожа весь его разум. Он сказал старому селезню на судебском месте, что я говорил ему, будто я сержант армии и собираю жуков на железнодорожном пути. Так всегда бывает, когда пробуешь объяснить что-нибудь англичанину.

– А вы?

– О, я ничего не говорил. Мне хотелось одного – уйти оттуда. Я заплатил штраф, купил новую шляпу и вернулся сюда на следующее утро раньше полудня. В доме было много народу, я сказал, что меня задержали против воли, и тогда они все вдруг стали вспоминать, что они обещались быть в других местах. Гакман, должно быть, видел драку на полотне и рассказал об этом. Я думаю, что они подумали: «Это совершенно по-американски», – черт бы их побрал! В первый раз в жизни я остановил поезд и никогда бы этого не сделал, не будь замешан жук. Их старым поездам не мешает иногда небольшая остановка.

– Ну, теперь все прошло, – сказал я, еле сдерживая смех. – И ваше имя не попало в газеты. Все же это несколько по-английски.

– Прошло! – яростно проворчал Вильтон. – Только на-

чалось! Неприятность с кондуктором представляла собой обыкновенное нападение – простое уголовное дело. Остановка поезда оказывается делом гражданским, а это совсем другое. Теперь меня преследуют за это!

– Кто?

– Да Большая Бухонианская дорога. В суде был человек, присланный от Компании, чтобы следить за ходом дела. Я сказал ему свою фамилию в укромном уголке, прежде чем купил шляпу, и... пойдете-ка обедать, потом я покажу вам результаты этого разговора.

Рассказ о том, что ему пришлось вытерпеть, привел Вильтона в очень раздраженное состояние духа, и не думаю, чтобы мой разговор мог успокоить его. Во время обеда, словно одержимый каким-то чисто дьявольским злорадством, с любовным упорством распространялся о некоторых запахах и звуках Нью-Йорка, воспоминание о которых особенно волнует душу тамошнего уроженца, находящегося за границей.

Вильтон стал расспрашивать о своих прежних товарищах – членах различных клубов, владельцах рек, «ранчо» и судов, на которых плавают в свободное время, королей мясной биржи, железнодорожных, керосиновых и пшеничных. Когда подали зеленую мятную настойку, я дал ему особенно маслянистую отвратительную сигару из тех, которые продаются в освещенном электричеством, украшенном мозаикой и дорогими изображениями обнаженных фигур буфете Пандемониума. Вильтон жевал конец сигары несколько минут,

прежде чем зажечь ее.

Дворецкий оставил нас одних, камин в столовой с дубовыми панелями начал дымить.

– Вот и это! – сказал он, яростно вороша угли, и я понял, что он хотел сказать. Нельзя устроить паровое отопление в домах, где жила королева Елизавета.

Ровный шум ночного поезда, мчавшегося вниз в долину, напомнил мне о деле.

– Ну, так что же насчет Большой Бухонианской? – спросил я.

– Пойдемте в мой кабинет. Вот и все – пока.

То была кучка писем цвета зельтерского порошка, дюймов девяти в длину, имевшая очень деловой вид.

– Можете просмотреть это, – сказал Вильтон. – Я мог бы взять стул и красный флаг, пойти в Гайд-Парк и наговорить самых ужасных вещей про вашу королеву, проповедовать какую угодно анархию, и никто не обратил бы на это внимания. Полиция – черт бы ее побрал! – защитила бы меня, если бы я своей выходкой навлек на себя неприятность. Но за такой пустяк, что я махнул флагом и остановил маленький грязный скрипучий поезд, проходящий к тому же по моей собственной земле, на меня обрушивается вся британская конституция, словно я бросил бомбу! Я не понимаю этого.

– Не более понимает и Британская Бухонианская дорога, по-видимому. Я перелистывал письма. Вот начальник движения пишет, что совершенно непонятно, как кто-ли-

бо мог... Боже мой, Вильтон, да вы действительно сделали это! – Я хихикнул, продолжая чтение.

– Что тут смешного? – спросил хозяин.

– Кажется, что вы или Говард за вас остановили северный поезд, идущий на юг в три часа сорок?

– Еще бы мне не знать этого! Они все набросились на меня, начиная с машиниста.

– Но ведь это поезд, идущий в три сорок, – «Индуна». Ведь вы, конечно, слышали об «Индуне» Большой Бухонианской дороги?

– Как я могу, черт возьми, отличить один поезд от другого? Они идут почти через каждые две минуты?

– Совершенно верно. Но ведь это была «Индуна», «единственный» поезд по всей линии. Он был пущен в начале шестидесятых годов и никогда не был остановлен.

– Я знаю! Со времен пришествия Вильгельма Завоевателя или с того времени, когда король Карл прятался в его топке. Вы такой же, как все британцы. Если он ходил без остановки столько времени, то пора было остановить его раза два.

Американец стал ясно проглядывать в Вильтоне, его маленькие руки с тонкими кистями беспокойно двигались.

– Предположим, что вы остановили бы имперский экспресс или западный циклон?

– Предполагаю. Я знаю Отиса Гарвея – или знал прежде. Я послал бы ему телеграмму, и он понял бы, что со мной произошла свинская штука. Это я говорил и здешней иско-

паемой британской компании.

– Так вы отвечали на эти письма, не посоветовавшись с адвокатом?

– Конечно отвечал.

– О, моя благословенная страна! Продолжайте, Вильтон.

– Я написал, что был бы очень рад видеть их председателя и объяснить ему все в трех словах, но это оказалось невозможным. По-видимому, их председатель какой-то бог. Он был слишком занят, и, ну можете прочесть сами, они потребовали объяснений. Смотритель станции Эмберли Ройяль, а он обычно пресмыкается передо мной, требовал объяснения, да поскорее. Главный инженер в св. Ботольфе требовал три или четыре объяснения, а лорд Муккамук, что смазывает локомотивы, требовал по объяснению каждый день. Я говорил им – говорил раз шестьдесят, что остановил их святой и священный поезд, потому что хотел войти в него.

Теперь уже не оставалось никакого сомнения в национальности говорившего. Манера говорить, жестикулировать, двигаться, в которой он был так старательно выдрессирован, исчезла вместе с маской напускного хладнокровия. То был законный сын самого Молодого Народа, предшественниками которого были краснокожие индейцы. Его голос поднялся до высоких гортанных звуков людей его расы, заметных только тогда, когда они говорят под влиянием возбуждения. В его близко поставленных друг к другу глазах сменялось выражение ничем не объяснимого страха, неразумного раз-

дражения, быстрого и бесцельного полета мыслей, ребяческой жажды немедленной мести и патетического изумления ребенка, ударявшегося головой о дурной, злой стол.

А я знал, что с другой стороны стоит Компания, также не способная понимать что-либо, как и Вильтон.

– Я мог бы три раза купить их старую дорогу, – пробормотал он, играя ножом для разрезания бумаги и беспокойно двигаясь на месте.

– Надеюсь, вы не сказали им этого!

Ответа не было, но, читая письма, я почувствовал, что Вильтон, должно быть, высказал много удивительных вещей. Большая Бухонианская сначала просила объяснения причины остановки «Индуны» и нашла некоторое легкомыслие в полученном ею ответе. Тогда она рекомендовала «мистеру В. Сердженту» прислать своего адвоката к ее адвокату для соблюдения всех юридических формальностей.

– А вы не послали? – спросил я, подымая голову.

– Нет. Они обращались со мной, как с ничего не понимающим щенком. В адвокате не было ни малейшей необходимости. Все дело устроилось бы в пять минут спокойного разговора.

Я вернулся к корреспонденции. Большая Бухонианская сожалела, что спешные дела мешают кому-либо из директоров принять приглашение мистера В. Серджента приехать к нему и обсудить создавшееся положение. Большая Бухонианская старательно указывала, что ее действиями не руково-

дит никакое враждебное чувство и что она не имеет в виду получение денег. Долг ее директоров требует защиты интересов их линии, а интересы эти не могут быть защищены, если будет установлен прецедент, в силу которого каждый из подданных королевы может остановить поезд во время его прохождения. Потом (это был новый раздел корреспонденции, так как дело касалось не менее пяти начальников департаментов) Компания допускала, что существует некоторое сомнение, имеющее основание, относительно характера обязанностей администрации при кризисах, происходящих с экспрессом, и дело должно быть решено судебным процессом, пока не будет вынесено авторитетное заключение – до Палаты лордов включительно, если окажется необходимым.

– Это уж совсем убило меня, – сказал Вильтон, читавший письма, наклоняясь над моим плечом. – Я знал, что в конце концов наткнусь на британскую конституцию. Палата лордов – Господи Боже мой! Да ведь я же не подданный королевы!

– А я думал, что вы натурализовались здесь.

Вильтон сильно покраснел и сказал, что многое должно измениться в британской конституции, прежде чем он решится подать прошение о принятии его в британское подданство.

– Как это все нравится вам? – сказал он. – Не с ума ли они сошли там?

– Не знаю. Вы совершили такой поступок, который никому не приходил раньше в голову, и Компания не знает, как

поступить в этом случае. Я вижу, что они предлагают при-слать своего адвоката и какое-то другое официальное лицо, чтобы поговорить частным образом. Вот еще другое письмо, где вам предлагается воздвигнуть четырнадцатифутовую стену вокруг сада и посыпать ее наверху битым стеклом.

– Вот она, британская наглость! Человек, рекомендуемый мне это (еще один надутый чиновник), говорит, что «я испытаю большое удовольствие, наблюдая, как стена с каждым днем будет подниматься все выше и выше». Представляли ли вы себе такую глупость? Я предлагал им достаточно денег, чтобы купить новые вагоны и дать пенсию трем поколениям машинистов, но, по-видимому, это не то, чего они желают. Они ожидают, что я пойду в Палату лордов, получу какое-то постановление, а в промежутке выстрою стены. Что, они не совсем сумасшедшие? Можно подумать, что я превратил в свою профессию остановку поездов. Как это я мог отличить их старую «Индуну» от обыкновенного поезда? Я сел в первый попавшийся поезд и уже достаточно отсидел и заплатил штраф.

– Это за то, что вы поколотили кондуктора.

– Он не имел права выбросить меня, когда я уже наполовину влез.

– Что же вы теперь будете делать?

– Их адвокат и другой чиновник (не доверяют они, что ли, своим служащим, что посылают их попарно) приезжают сегодня вечером. Я сказал им, что бываю занят до обеда, а по-

том они могут прислать хоть целое правление, если им будет легче от этого.

Визиты после обеда, ради удовольствия или дела, обычны в маленьких американских городах, но не в Англии, где конец дня считается священным для каждого. Вильтон Сердгент решительно поднял знамя восстания.

– Неужели вас не поражает юмор вашего положения, Вильтон? – спросил я.

– В чем тут юмор: американского гражданина – беднягу – ловят на удочку только потому, что он миллионер.

Он помолчал немного и потом продолжал:

– Конечно. Теперь я все понимаю, – он повернулся и с волнением взглянул на меня. – Ясно как день. Эти голубчики подводят мины, чтобы содрать с меня кожу.

– Они определенно говорят, что им не нужно денег.

– Это все для отвода глаз. Так же, как и их обращение ко мне: В. Сердгент. Они отлично знают, кто я. Они знают, что я сын старика. Как это я раньше не подумал об этом.

– Одну минуту, Вильтон. Если бы вы влезли на верхушку купола св. Павла и предложили награду любому англичанину, который мог бы сказать, кто был Мертон Сердгент и что он такое, в Лондоне не найдется и двадцати человек, которые могли бы ответить.

– Так это их островной провинциализм. Мне решительно все равно. Старик мог бы погубить Большую Бухонианскую ни за грош, в одну минуту. Боже мой, я сделаю это, серьезно!

Я покажу им, что они не могут нападать на иностранца за то, что он остановил один из их маленьких жестяных поездов. А я еще тратил здесь, по крайней мере, по пятидесяти тысяч в год в течение четырех лет!

Я был рад, что я не его адвокат. Я еще раз прочитал корреспонденцию, а именно письмо, в котором ему предлагалось – почти нежно, как мне показалось – выстроить четырнадцатифутовую кирпичную стену в конце сада, на середине письма меня поразила мысль, наполнившая меня злорадством.

Лакей ввел двух гладко выбритых людей в сюртуках, серых брюках, не бойких на язык. Было почти девять часов, но они, казалось, только что вышли из ванны. Я не мог понять, почему старший и более высокий из них выразительно взглянул на меня и пожал мне руку с горячностью, не свойственной англичанам.

– Это упрощает положение, – вполголоса сказал он и, видя, что я пристально и с удивлением смотрю на него, шепнул своему товарищу: – Боюсь, что мои услуги бесполезны. Может быть, мистер Фольсом переговорит с мистером Серджентом о деле.

– Для этого-то я здесь, – сказал Вильтон.

Юрист приятно улыбнулся и сказал, что не видит причины, почему бы не поговорить спокойно и не уладить дела в две минуты. Он сел напротив Вильтона с самым успокаивающим видом. Товарищ его вывел и меня на сцену. Тайнственность усиливалась, но я кротко последовал за ним и услы-

шал, что Вильтон говорит с беспокойным смехом:

– У меня сделалась бессонница от этого дела, мистер Фольсом. Покончите с ним так или сяк, ради Бога!

– А! Очень он страдал этим последнее время? – спросил меня мой сосед, предварительно откашлявшись.

– Право, не могу сказать, – ответил я.

– Так, вероятно, вы недавно приняли на себя это занятие?

– Я приехал сегодня вечером. У меня, собственно, нет здесь никакого занятия.

– Я понимаю. Только чтобы наблюдать за ходом событий... в случае...

Он кивнул головой.

– Вот именно. В наблюдении, в сущности, все мое занятие.

Он снова слегка кашлянул и перешел к делу.

– Ну, я спрашиваю только ради осведомления, находите вы эти идеи навязчивыми?

– Какие идеи?

– Или периодически изменяющимися? Это очень любопытно, но верно ли я понимаю, что тип их изменяется? Например, мистер Сердгент верит, что он может купить Большую Бухонианскую дорогу.

– Ведь он вам писал об этом?

– Он сделал предложение Компании – на пол-листа бумаги из записной книжки. Неужели теперь он впал в другую крайность и считает себя в опасности сделаться нищим?

Странная экономия в бумаге показывает, что какая-то идея в этом роде могла мелькнуть в его голове, две идеи могут уживаться вместе, но это нечасто бывает. Как вам известно, иллюзия богатства – мания величия, как называют это, кажется, наши друзья французы – обыкновенно исключает все другие.

Я услышал слова Вильтона, говорившего в конце кабинета своим лучшим английским голосом:

– Дорогой сэръ, я уже двадцать раз объяснял вам, что хотел достать жука к обеду. Предположите, что вы оставили дома какой-нибудь важный документ.

– Это проявление хитрости очень многозначительно, – пробормотал мой коллега. – Посмотрите, как он настаивает на своем объяснении.

– Конечно, я очень рад встретиться с вами, но если бы вы прислали сюда к обеду вашего председателя, я покончил бы дело в полминуты. Я мог бы купить у него Бухонианскую, пока ваши клерки пересылали мне это.

Вильтон тяжело опустил руки на синие и белые письма. Адвокат встал.

– Говоря откровенно, – сказал он, – совершенно непонятно – даже если бы дело шло о самых важных документах, – как можно останавливать экспресс, идущий в три сорок, – «Индуну», нашу «Индуну», дорогой сэръ.

– Абсолютно непонятно! – повторил мой товарищ, потом, понизив голос, сказал мне: – Замечаете, снова навязчи-

вая идея о богатстве. Меня призвали, когда он написал это. Видите, для Компании совершенно невозможно продолжать посылать свои поезда через владения человека, который в любую минуту может вообразить, что ему дано поручение с небес останавливать всякое движение. Если бы он направил нас к своему адвокату – но понятно, что этого он не захотел. Жаль, очень жаль. Он так молод. Между прочим, любопытно, не правда ли, подмечать полную уверенность в словах людей, страдающих этим – можно сказать, раздирающую душу, – и невозможность для них следить за последовательностью своих доводов.

– Я не могу понять, чего вы желаете, – говорил Вильтон адвокату.

– Она не должна быть более четырнадцати футов в высоту – действительно, удобное сооружение, а на солнечной стороне можно будет выращивать персики. – Адвокат говорил непрофессиональным тоном. – Мало что может быть приятнее, чем наблюдать, так сказать, за своим виноградником и фиговыми деревьями в полном цвету. Подумайте о прибылях и удовольствии, которые вы получите. Если бы вы нашли способ устроить это, мы обсудили бы все детали с вашим адвокатом, и возможно, что Компания взяла бы на себя часть издержек. Я надеюсь, что достаточно выяснил это дело. Если вы, дорогой сэр, заинтересуетесь постройкой стены и будете настолько любезны, что сообщите фамилии ваших поверенных, то уверяю вас, что вы не услышите больше ничего

о Большой Бухонианской.

– Но почему я должен обезобразить мою лужайку новой кирпичной стеной?

– Серый камень чрезвычайно живописен.

– Ну, серый камень так серый камень. Почему, черт возьми, я должен воздвигать вавилонские башни только потому, что я – один раз – задержал один из ваших поездов?

– В его третьем письме были очень странные выражения, – шепнул мне на ухо мой собрат. – Морские впечатления сталкивались с сухопутными. В каком удивительном мире он жил и еще будет жить, прежде чем опустится занавес. И такой молодой, такой молодой!

– Ну, если желаете, чтобы сказал вам на чистом английском языке, я готов, скорее, на все, чем согласиться на стеностроительство по вашему приказанию. Можете доводить это дело до Палаты лордов и брать обратно и получать постановления хоть величиной в целый фут, если желаете, – горячо сказал Вильтон. – Боже мой, ведь я же сделал это только раз!

– В настоящее время у нас нет никакой гарантии, что вы не сделаете этого снова, а при нашем движении мы должны в интересах пассажиров требовать гарантии в какой бы то ни было форме. Тут не должно быть прецедента. Всего этого можно было бы избежать, если бы вы направили нас к вашему официальному поверенному.

Адвокат с умоляющим видом оглядел комнату.

– Вильтон, – сказал я, – можно мне попробовать?

– Все, что хотите, – сказал Вильтон. – По-видимому, я не умею говорить по-английски. Но все же я не построю стены. – Он откинулся в кресле.

– Джентльмены, – решительно проговорил я, так как предвидел, что доктор долго не поймет, в чем дело, – мистер Серджент имеет очень большое влияние на главнейшие железные дороги своей страны.

– Своей страны? – сказал адвокат.

– В этом возрасте? – сказал доктор.

– Конечно. Он получил их в наследство от своего отца, мистера Сердженга, американца.

– Чем и горжусь, – сказал Вильтон, как будто он был западный сенатор, в первый раз выпущенный на континент.

– Дорогой сэр, – сказал, приподнимаясь, адвокат, – отчего вы не ознакомили Компанию с этим фактом, с таким важным фактом, в начале нашей переписки? Мы поняли бы тогда все. Мы приняли бы во внимание...

– Черт возьми ваше уважение! Что я – краснокожий индеец или сумасшедший?

У адвоката и доктора был виноватый вид.

– Если бы друг мистера Сердженга сказал нам это вначале, – очень строго проговорил доктор, – многое могло быть спасено!

Увы! Я сделал себе из этого доктора врага на всю жизнь!

– Мне не удалось вставить слово, – ответил я. – Теперь вы, конечно, понимаете, что человек, которому принадлежат ты-

сячи миль железнодорожных линий, как мистеру Серджен-ту, мог обращаться с железными дорогами несколько иначе, чем другие люди.

– Конечно, конечно. Он американец. Это объясняет все. Но все же это была «Индуна». Впрочем, я вполне понимаю, что обычаи наших заморских кузенов отличаются в этом случае от наших. Итак, вы всегда таким образом останавливаете поезда в Штатах, мистер Серджент?

– Я остановил бы, если бы возникла необходимость, но пока еще ее не было. Неужели вы вызовете из-за этого дела международные затруднения?

– Вам нечего больше беспокоиться. Мы видим, что ваш поступок не явится прецедентом, а мы боялись именно этого. Теперь, когда вы понимаете, что наша Компания не может примириться с подобными внезапными остановками, мы вполне уверены, что...

– Я не останусь здесь достаточно долго для того, чтобы остановить еще один поезд, – задумчиво проговорил Вильтон.

– Так вы возвращаетесь к нашим сородичам за... «большим прудом», как выражаетесь вы, американцы?..

– Нет, сэръ, океаном – Северо-Атлантическим океаном. Он шириной в три тысячи миль, а глубиной местами в три мили. Хотел бы я, чтобы он был в десять тысяч миль.

– Сам я не очень люблю морские путешествия, но я думаю, что каждый англичанин обязан хоть раз в жизни изу-

читать великую ветвь нашей англосаксонской расы за океаном, – сказал адвокат.

– Если вы когда-нибудь приедете и захотите остановить поезд на моей линии железных дорог, я... я выручу вас, – сказал Вильтон.

– Благодарю вас, благодарю вас. Вы очень добры. Я уверен, что испытал бы громадное удовольствие...

– Мы не обратили внимание на факт, что ваш друг хотел купить Большую Бухонианскую дорогу, – шепнул мне доктор.

– У него от двадцати до тридцати миллионов долларов – четыре-пять миллионов фунтов, – ответил я, зная, что дальнейшие объяснения бесполезны.

– В самом деле! Это громадное богатство, но Большая Бухонианская не продается.

– Теперь он, может быть, и не захочет купить ее.

– Это было бы невозможно, невозможно при данных обстоятельствах, – сказал доктор.

– Как характерно! – пробормотал адвокат, мысленно перебирая все в уме. – Из книг я всегда знал, что ваши соотечественники постоянно торопятся. Итак, вы хотели съездить в город и обратно за сорок миль – до обеда, чтобы привезти жука? Как истинно по-американски! Но говорите вы совершенно как англичанин, мистер Серджент.

– Эту ошибку можно поправить. Мне хотелось бы только предложить вам один вопрос. Вы говорили, что непостижи-

мо, как может человек остановить поезд на линии железной дороги вашей системы?

– Именно так – непостижимо.

– Т. е. человек в здравом уме?

– Конечно, я думал так. Я хочу сказать, за исключ...

– Благодарю вас.

Оба посетителя уехали. Вильтон хотел было набить себе трубку, но удержался, взял одну из моих сигар и помолчал с четверть часа. Потом сказал:

– Нет у вас расписания пароходов, отходящих из Саутгэмптона?

Далеко от флигелей из серого камня, темных кедров, безукоризненных песчаных дорожек для верховой езды и красивых лужаек Хольт-Хангарса бежит река, называемая Гудзон. Ее берега покрыты дворцами богачей, состояния которых превосходят все мечты жадности. Тут, где свистки буксирных судов с баржами, нагруженными кирпичом, отвечают на рев локомотивов с обоих берегов, вы найдете океанскую паровую яхту «Колумбию» в тысячу двести тонн, всю залитую электрическим светом, со всеми приспособлениями для дальнего плавания. Она стоит у собственной пристани и отвозит в контору с быстротой семнадцати узлов в час – баржам приходится самим позаботиться о себе – американца Вильтона Серджента.